

не противостоит коммуникации, а представляет собой огромный набор схем человеческой самореализации и ее опосредований, обеспечивающих социальное воспроизводство. Эти опосредования в их многомерности не фиксируются в непосредственных взаимодействиях, но они реально нарушают bipolarность диалогического пространства и, «растягивая» его геометрию, постоянно его оживляют и проблематизируют, открывают его к непосредственно неданному бытию.

Радикальное прочтение социальности так или иначе оказывается связано с метафизической тематикой. Но это – не та метафизика, на которой настаивала классическая философия. На смену аксиоматике абстрактно-общих определений бытия идет проблематика социальных опосредований и дальностей, чувственных и сверхчувственных связей, полисубъектной социальности и полифонии бытия, проблематика конкретного отношения человека к «не-своему-другому»<sup>5</sup>. Современное освещение проблемы толерантности существенным образом зависит от методологически последовательного освоения нами этой тематики.

*Доктор философских наук,  
профессор кафедры социальной философии УрГУ  
Т. Х. Керимов  
Екатеринбург*

## **ПРОБЛЕМЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ И СОЦИАЛЬНАЯ ГЕТЕРОЛОГИЯ**

Я назвал свой доклад «Социальная гетерология и проблемы толерантности». Разумеется, он является избыточным. Толерантность уже присутствует в той или иной мере во всех культурах. Вернее, в той мере, в какой эти культуры культивировали определенный гуманизм. И все же сегодня мы приходим к цезуре, к перерыву непрерывности, который остается, на мой взгляд, неразличимым. Если сегодня мной ощущается потребность хотя бы в общих чертах говорить о толерантности, то именно потому, что метафизика как онтология

---

<sup>5</sup> Кемеров В. Е. Метафизика-динамика // Вопросы философии. 1998. № 8.

демонстрирует нам свою предельную работу во всех направлениях, потому, что сегодня она ищет новую фигуру, призванную заменить предшествующую<sup>6</sup>.

Социальная гетерология продумывается прежде всего как преодоление парадигматических предпосылок или оснований метафизики. При этом преодоление метафизики понимается не просто как выход по ту сторону, вовне метафизики, поскольку внешнее выводит на границу внутреннего, а сама оппозиция внутреннее/внешнее является метафизической. Преодоление в строгом смысле предполагает преодоление границ, то есть предполагает тем самым фиксированность границ того, что преодолевается. Таким образом, преодоление, по определению, сохраняет и утверждает то, что оно преодолевает, поскольку именно по отношению к границе речь может идти о преодолении. Поэтому вопрос о преодолении метафизики решается на границе.

В данном случае мы ограничиваемся онтологической моделью метафизики, которой отдаем предпочтение в силу их тождества по вопросу об основании. Онтологическая модель характеризуется тем, что она всегда обращена к основанию, воспринимаемому в качестве первопричины и специфицируемому в качестве абсолюта, поиском которого она занимается.

Онтологию определяет идея того, что бытие в качестве «трансцендентального означаемого» занимает свое изначальное и законное место, предшествуя какому-либо выпадению в область внешнего и чувственного сущего. Отсюда замкнутость, тотальность метафизики, предопределенная онтологическим фундаментом. Замкнутость, тотальность метафизики не могут являться таковыми, если они не определены означаемым, существующим прежде всякого сущего и независимо от него в своей идеальности.

---

<sup>6</sup> «Всякий гуманизм или основан на определенной метафизике, или сам себя делает основой для таковой. Всякое определение человеческого существа, заранее предполагающее, будь то сознательно или бессознательно, истолкование сущего в обход вопроса об истине бытия, метафизично. Поэтому своеобразие всякой метафизики – имея в виду способ, каким определяется существо человека, – проявляется в том, что она «гуманистична». (Хайдеггер М. Время и Бытие. М., 1993. С. 197).

Преодоление данной модели начинается изнутри самой метафизики (онтологии). Эта стратегия будет стремиться постоянно уклоняться от наличия какого-либо абсолютного источника, руководящего принципа и центра, от гипостазирования бытия, запредельного существу. Однако обоснование и построение гетерологии вовсе не означает, что онтология должна быть отброшена и упразднена. Скорее, подвергаются сомнению такие допущения, которые служили гарантией её использования и применения внутри метафизики. Это подозрительное отношение к самому статусу онтологии возникает в процессе разработки и открытия альтернативного пространства, внутри которого само бытие и практика его использования становятся не только его главной проблемой, но и выступают в качестве его границы. Из этого следует, что преодоление метафизики (онтологического фундаментализма) связано не с подменой его какой-либо постметафизикой, постметафизическими методами или альтернативным множеством понятий, а с переосмыслением самой природы метафизики-онтологии с позиции бытия, которое было предано забвению в границах западной философской традиции.

Обоснование и построение гетерологической концепции необходимы, чтобы предоставить принципу различия сферу деятельности, которая явится освобождением самого метафизического проекта, находящегося под контролем основания. Этот принцип предписывает не только не давать привилегии тому или другому основанию, но сам процесс обоснования рассматривать как игру различия. Логика обоснования не противостоит логике различения. Идентификация основания сущего возможна лишь внутри структуры различий.

Идея различия оказывается принципиально важной для философии, поскольку при условии трансформации понятия бытия, отрывающей его от традиционной привязки к основанию, гетерология как учение о различии становится «онтологией». Если онтология маскирует различие, будучи озабочена поисками причины, основания (по своему определению, самотождественного) сущего (по своему определению, различного и множественного), то гетерология утверждает различие (бытия), благодаря которому сущее утверждается в своем бытии.

**Онтология и гетерология предписывают две различные возможности трактовки толерантности.**

Онтология базируется на следующих основных положениях. Существует только бытие, оно уникально и выражает общую субстанцию сущности сущего, – но с этого момента ясно, что оно не сингулярно. Гипотеза о бытии как о сингулярном трансцендентальном означаемом – фундаментальная гипотеза всех метафизик, поскольку выносит область сущего в конечном счете за пределы самого сущего. Бытие мыслится как высшее сущее и, стало быть, как мера или предел того, на что способно сущее как таковое.

Основной мотив социальной гетерологии состоит в том, чтобы развенчать метафизику идеи и иметь дело с самим существованием без сущности, фактическим обстоятельством существования, т. е. с самой истиной, которая и заключается в этой фактичности. Если придерживаться этого мотива, то бытие будет рассматриваться не как основание сущего в смысле обладания, овладевания, а в смысле принадлежности. Бытие – это бытие сущего не в смысле родительного падежа овладевания, а в смысле принадлежности. Это означает, что бытие есть не что иное, как бытие именно этого сингулярного сущего. А это, в свою очередь, означает, что сущее полностью структурируется ничто. Бытие сущего, структурированного ничто, и есть не что иное, как существование. Существование здесь не есть диалектическое обращение ничто в бытие и снятие ничто в позитивности наличного бытия. Скорее, существование понимается как углубление и интенсификация ничто вплоть до его утверждения. Интенсификация ничто не отменяет его ничтожности. В этом и заключается свобода существования. Свобода как самоуглубляющееся ничто, по выражению Гегеля. Преодоление метафизики лишает нас основания существования, существования как основания. Следовательно, существование не есть объект вопрошания о нечто, а объект утверждения, утверждения безосновного существования.

Поскольку существование не выводится из сущности и не сводится к сущности, не предшествует и не следует сущности (две симметричные формулы эссенциализма и экзистенциализма – для эссенциализма первым приходит «сущность», а для

экзистенциализма – существование), постольку существование является своей собственной сущностью. «Существование означает и существование в том и есть, чтобы не иметь никакой сущности. Или: «быть собственной сущностью», как утверждает Хайдеггер, но так, чтобы не иметь никакой сущности, будучи самостью. Такова «сущностьность» не-сущности. В отличие от Сартра, для которого существование идет «первым», здесь сущность не приходит никогда, и тем самым существованию не нужно быть «первым» или «вторым». Ничто не предшествует существованию, ничто не идет за ним следом. Но существование приходит абсолютно»<sup>7</sup>. Существование, фундирующее ничто, фундируемое ничто, обозначает внутренний предел истории метафизики, онто-теле-теологии. И, следовательно, понятие «существование» проблематизируется на пределе этой истории.

Каково содержание этого безосновного сингулярного существования? Во-первых, сингулярность существования не есть уникальность сущности, но что-то близкое тому, что вслед за Хайдеггером я назвал «событием»<sup>8</sup>. Под таким обозначением подразумевается, что существование как сингулярность или сингулярность как существование «сбывается», и сбывается по-разному. Существовать значит сбываться, и не обязательно в смысле реализации. На месте сингулярности в классической философии просматривался субъект, и можно сказать, что тогда он являл собой фигуру автономной и специфической человеческой реальности. Человек, будучи идентифицирован как субъект, предстает в качестве сверхсущего, лежащего по ту сторону сущих. При этом о человеке говорится как о высшей точке бытия и, стало быть, как о мере того, на что способно бытие как таковое. Человеку гарантируется исключительно привилегированное положение в том, что он конституирует априорное условие возможности всякого опыта и, следовательно, всего того, что есть и может быть.

Классическое определение субъекта мы находим у Гегеля: субъект – это то, что способно удержать свое собственное противоречие. Субъектность, отличная от антропологической

---

<sup>7</sup> Нанси Ж.-Л. Сегодня // Ad Marginem. Ежегодник.

<sup>8</sup> Керимов Т. Х. Социальная гетерология. Екатеринбург, 1999.

субъективности, заключается в присвоении собственного бытия вне себя, в присвоении своего иного. Логика субъекта – это грамматика субъекта, который переприсваивает, причем заранее и абсолютно, свои предикаты. Это присвоение осуществляется глаголом «быть». «Быть», таким образом, функционирует как оператор присвоения. Фактически, оно означает «иметь», «производить», «понять» и т. д. В этом заключается технологическая интерпретация бытия.

Хайдеггер впервые заявляет, что, прежде чем быть субъектом предикации, любой предикации, дано бытие субъекта, или субъект без «без», собственно существование. Существование – это сущность субъекта в той мере, в какой он есть прежде любой предикации. Не субъект-существование, а существование как событие, как то, что случается.

Итак, нет бытия вне сингулярности, каждый раз именно этой, и нет ничего общего, объединяющего эти сингулярности, за исключением «каждый раз именно этой». Вот как мы должны понять хайдеггеровское *jemeinkeit*. Иначе говоря, бытие каждый раз мое собственное бытие. Сингулярность, «каждый раз именно эта», не обозначает субъективность субстанционального присутствия эго и не редуцируется к кантовской пустой форме «я», сопровождающей все представления, но, наоборот, определяет «мойность», «мое собственное» на основе каждого раза. Каждый раз имеется сингулярность времени, каждый раз имеется «мойность», предполагающая не субстанциональную перманентность, тождество или автономию, а ускользание от субстанции. «Каждый раз» – это структура промежутка, и она определяет пространственность пространства и времени. Ничего нет между одним «каждый раз» и другим «каждый раз» – ускользание бытия. Кроме того, бытие не есть непрерывное бытие сущего. Вот почему по всей строгости бытие не есть, оно не существует иначе, чем в дискретности сингулярностей.

Непрерывность была бы отсутствием отношения или, скорее, была бы отношением, снятым непрерывностью субстанции. С одной стороны, сингулярность находится непосредственно в отношении, т. е. в дискретности «каждого раза именно этой». С другой стороны, сингулярность каждый раз отрезана от всего остального, но каждый раз как некоторое

время она открывается как отношение к другим временам, именно потому, что непрерывное отношение ускользает от нее, от сингулярности. Таким образом, со-бытие оказывается вписанным в сингулярность, со-временным ей, поскольку сущность сингулярности заключается в существовании «каждый раз именно этого» как «моего». Мы можем сказать: сингулярное «мойности» как таковое плюрально. Сингулярность – по этой причине отличная от индивидуальности – имеет место в соответствии с этой альтерацией «каждого раза». Этот «каждый раз» устанавливает отношение со-бытия как ускользание от идентичности и коммуникацию как ускользание от коммуны, общего. Сингулярности не имеют общего бытия, но они оспаривают друг друга каждый раз совместно перед лицом ускользания их общего бытия, опространствовленного бесконечностью этого ускользания.

Существование может быть только сингулярным, и оно каждый раз поставлено на карту. Фактически, с одной стороны, изначальное со-бытие со-временно и ко-экстенсивно с сингулярным существованием, поскольку существование есть дискретная игра промежутка, предлагающего пространство игры, где собственно имеется «каждый раз». Т. е. возможность нередуцируемой сингулярности, нередуцируемой не в смысле автономии, тождества существования, наделенного автономной властью, но свободной в том смысле, что она осуществляется в свободном пространстве и в опространствовлении времени, где и возможно сингулярное «каждый раз». Но, с другой стороны, и, как следствие, это со-бытие или эта связь или эта связность предшествуют сингулярности, хотя и не обосновывают и не содержат ее. Со-бытие есть то, что опространствливает и сингуляризирует – или сингуляризируется – потому, что оно устанавливается в ускользании непрерывности бытия. Отношение складывается в ускользании того, что объединяло бы или связывало бы меня с другими или с самим собой, в ускользании непрерывности бытия существования, без которого не было бы сингулярности, а только имманентное полагание себя самого.

Бытие вместе означает, что мы не имеем бытие в качестве общей собственности, даже если мы есть. Это не означает, что бытие как общая и всеобщая субстанция распреде-

ляется между нами, но, скорее, бытие есть только как разделенное между существованиями. С одной стороны, нет бытия между существованиями, поскольку пространство существования есть их опространствливание, а вовсе не пространство, принадлежащее всем и никому в отдельности, следовательно, принадлежащее самому себе. С другой стороны, бытие каждого существования, т. е. бытие того, что разделяет бытие и благодаря которому оно есть, есть не что иное, как само это разделение.

Таким образом, то, что разделяет нас и разделяется нами, есть ускользание бытия, которое есть ускользание собственности самости и открытие существования как со-бытия. То, что мы имеем, каждый из нас есть то, что мы имеем в общем: мы разделяем бытие. Оно дается как таковое в самой возможности говорения «мы». «Мы» предшествует «Я», но не как первый субъект, а как разделение, позволяющее вписать «Я». Если бытие есть разделение, наше разделение, тогда быть значить разделять. Это и есть отношение: не отношение потребности, влечения, желания, которые направляются своим собственным объединением, но существование, врученное неизмеримости со-бытия или бытия-вместе.

Если толерантность на самом деле принадлежит сущности «человеческого существа», то это так в той мере, в какой эта сущность человеческого существа как такового принадлежит бытию-вместе. Теперь, бытие-вместе возникает из этого разделения, которое есть разделение бытия. Это означает, что отношение устанавливается не между человеческими существами, как если бы мы говорили об отношении, устанавливаемом между двумя субъектами, конституированными как субъекты и только потом устанавливающими собственно отношение. В этом отношении «человеческие существа» не даны – но только отношение может дать им их человечность.

Вот почему бытие-вместе непосредственно связывается с равенством, толерантностью или, лучше сказать, непосредственно равняется равенству. Но здесь неуместна любая общепринятая идея равенства или различия. Равенство не заключается в измеримости субъектов в отношении некоторой единицы меры. Зададимся вопросом: какой мерой измеряется равенство? Наш ответ: ничто. Требуемая мера равенства есть



ничто, безмерность. Равенство не может быть «категорическим» (в кантовском смысле) или безусловным (моральным или политическим), а всегда касается *нас самих*. При этом равенство рассматривается не как критерий или мера, а как неразрешимый предел, поскольку равенство и есть равенство тех, которые ни в чем друг другу не равны. Равенство выявляется в разности, ибо разность и есть истинное равенство. Равенство необходимо модализируется как невозможность собственной имманентности, т. е. как невозможность собственного конституирования на основе единой для всех антропологической, политической, моральной и любой другой характеристики. Такое равенство требует претерпеть различие, которое отличает, просто отличает – не от кого-то или чего-то, безо всякой точки отсчета или сравнения, неизмеримо. Таким образом, равенство имеет общую меру, но не в смысле данной, установленной меры, к которой все отсылает: эта мера общая в том смысле, что она есть избыточность разделения существования. В этом и заключается сущность равенства и отношения толерантности.

Еще раз повторим: равенство не заключается в измеримости субъектов в отношении некоторой единицы меры. Равенство есть равенство сингулярностей в несоизмеримости их свободы (свобода берется как фактическое обстоятельство существования). В свою очередь, эта несоизмеримость не означает, что каждый индивид обладает неограниченным правом разрешать свою волю. Эта несоизмеримость и не означает, что свобода измеряется только самой собой, как если бы свобода сама выступала бы мерой свободы, дала бы некий стандарт свободы. Скорее это означает, что свобода измеряется (чем?) ничто: свобода измеряется трансцендированием существования в ничто и для ничто. Свобода – это и есть измерить себя ничто.

Измерение себя (чем?) ничто вовсе не предполагает героическое или экстатическое противостояние бездне, о которой мыслят как о полноте ничто и которое скрепляется субъектом (как средоточием) героизма или экстаза. Измерение себя (чем?) ничто означает измерение себя абсолютно, или измерение себя самой «мерой» «измерения себя». Возможно, это есть избыточность.

По сути, это избыточность свободы, как сама мера существования, общая для всех. Сущность меры, следовательно, избыточности, должна быть общей. Со-бытие разделяет избыточность свободы. Потому что эта избыточность состоит ни в чем ином, как в факте или жесте измерения себя (чем?) ничто, разделение бытия есть общая избыточная мера свободы. Таким образом, свобода имеет общую меру, но не в смысле данной, установленной меры, к которой все отсылает: эта мера общая в том смысле, что она есть избыточность разделения существования. В этом и заключается сущность равенства и отношения.

*Доктор философских наук,  
профессор Самарского госуниверситета  
С. И. Голенков  
Самара*

## **ФЕНОМЕН ТОЛЕРАНТНОСТИ И ПРОБЛЕМА ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ СОЦИАЛЬНОГО**

Толерантность как явление человеческой жизни феноменально проявляется в совершенно разных сферах и областях жизни человека: как психологический феномен эмоциональной выдержки или как феномен нравственный в отношении к другому человеку не как к средству, а как к цели; в виде религиозной веротерпимости или политического компромисса; как феномен экзистенциальный в виде ограничений и самоограничений человеческой свободы или как феномен социологический в виде институций (например, гостеприимство) и т. д. Все это позволяет говорить о феномене «толерантности» как одном из важных механизмов регуляции социальных (в самом широком смысле этого слова) взаимодействий индивидов.

Как всякий механизм регуляции совместного существования людей, толерантность имеет своим основанием какие-то фундаментальные структуры бытия. Эта укорененность феномена толерантности в основах человеческого существования позволяет, с одной стороны, прояснить онтологические основания толерантности, а с другой, – осветить бытийные истоки самой совместной жизни людей. Что такое толерантность?